

БИБЛИОТЕКА
Нижегород. Ученой Архивной Комиссии.
Отдѣлъ рукописный № общій 807
Шкафъ I Полка

2/2850
07. 437850
28 июня
907.

Д

КЪ СТАРОБРЯДЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Бесѣда 2-я*).

(Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Старообрядецъ» № № 10—11-й за 1907 г.).

ВТ 54902
178692

Моисей или Дарвинъ...

Вотъ одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ для всей молодежи нашего времени.

Элленъ-Кей считаетъ главнымъ грѣхомъ воспитанія—насиліе надъ дѣтскимъ мозгомъ, которому навязывается „ложь“ (будто-бы) Моисеева повѣствованія.

Школѣ, говоритъ Кей, должно во что-бы то ни стало рѣшиться на выборъ, а не искать компромиссовъ между двумя мировоззрѣніями... Нельзя примирять непримиримаго.

Еще рѣшительнѣе выражается Додель авторъ брошюры „Моисей или Дарвинъ?“ имѣющей большой успѣхъ среди нашей молодежи.

Нѣтъ ничего болѣе развращающаго—говоритъ онъ: „какъ странный и опасный разладъ между религіей и знаніемъ въ радикальнѣйшемъ изъ вопросовъ знаній.

Я говорю о страшномъ внутреннемъ противорѣчьи въ народномъ воспитаніи и образованіи, о томъ роковомъ распадѣ въ духовной жизни современнаго культурнаго человѣчества, которое ярче всего можетъ быть выражено вопросомъ: „Моисей или Дарвинъ“?

Научное знаніе о началѣ міра—или фантастическій рассказъ библіи?

Конечно Элленъ-Кей и Додель не переоцѣниваютъ факта. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь острый споръ, который долженъ быть такъ или иначе рѣшенъ.

Въ рассказѣ библіи о твореніи міра—азбука, А. Б.—нашего религіознаго познанія, и обойти „вопросъ“ признать его несущественнымъ—невозможно!

Какъ же быть? Неужели отказаться отъ библейскаго сказа, признать книгу недостаточной, какъ говорятъ некомпетентной въ этой области?

Мы думаемъ, что нѣтъ.

*) Первая бесѣда была помѣщена въ № 9 „Старообрядца“, конфискованномъ цензурою.

2

Доделъ въ своей брошюрѣ выражается о началѣ міра съ большей рѣшительностью и опредѣленностью.

Въ библии по его словамъ все противорѣчитъ знанію.

Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю.

Естествоиспытатель нашихъ дней сказалъ-бы, пишетъ Доделъ: Вселенная не имѣетъ начала и конца, она безконечна во времени и пространствѣ. Изъ ничего происходитъ ничто, а то, что существуетъ, то не можетъ возвратиться въ ничто. Вселенная была вѣчна и будетъ вѣчна. Въ этомъ намъ порукой физическій законъ о сохраненіи энергіи, который доказанъ во всѣхъ новыхъ учебникахъ—химіи и физики.

И послѣ этого общаго утвержденія разбираетъ библию по стихамъ.

Стихъ 2—5.

„Земля была пустынна, въ глубинѣ былъ мракъ, и духъ Божій виталъ на водѣ!

„И Богъ сказалъ: Да будетъ Свѣтъ! И былъ Свѣтъ.

„И Богу понравился Свѣтъ и Онъ отдѣлилъ Свѣтъ отъ Мрака.

„И назвалъ Свѣтъ днемъ, а Мракъ—ночью.

Тогда и изъ вечера и утра былъ первый день.

Здѣсь нужно замѣтить, что естествознаніе не знаетъ другого свѣта кромѣ того, который исходитъ отъ свѣтящихся предметовъ, имѣющихъ свой собственный свѣтъ или отражающихъ его отъ другихъ свѣтящихся предметовъ. Свѣтъ самъ по себѣ есть только способъ проявленія подвижныхъ матерій, волнообразное движеніе мельчайшихъ частицъ матеріи. Физика точно измѣрила длину волнъ и быстроту этихъ движеній матеріи. Свѣтъ не субстанція и не вещь, это только „понятіе“ для обозначенія своеобразнаго движенія матеріи.

Но ни одинъ смертный не въ состояніи объяснить и понять, что обозначаетъ собой „Свѣтъ“ перваго дня Моисея.

„День“ и „Ночь“, „Вечеръ“ и „Утро“ этого перваго дня представляютъ собою невозможности.

Земля не знаетъ свѣта, иначе какъ отъ солнца.

Стихъ 9—13.

„И Богъ назвалъ сушу землю, а скопленіе воды Онъ назвалъ моремъ. И Богъ увидѣлъ, что такъ было хорошо, и сказалъ: „Пусть на землѣ растутъ трава и злаки, которые будутъ размножаться посредствомъ сѣмянъ, и фруктовыя деревья; каждое дерево пускай даетъ свой плодъ и несетъ свое собственное

сѣмя на землѣ, И на землѣ выросли трава и злаки, которые размножались посредствомъ сѣмянъ, каждый по своему роду и деревья, которые принесли плоды и сѣмена, всякое дерево на свой ладъ, и Богъ увидѣлъ, что такъ хорошо. Тогда изъ вечера и утра былъ третій день.

Сотвореніе растительнаго міра, прежде чѣмъ солнце появилось на небѣ, является физической невозможностью. Еще большей невозможностью является сохраненіе зеленого растительнаго міра безъ солнца, въ теченіи долгаго промежутка времени, который отводять каждому дню творенія Моисея ученые толкователи библіи.

Стихъ 14—19

„И Богъ сказалъ: Да будутъ свѣтила на небесной твердынѣ, которыя раздѣлятъ день отъ ночи и укажутъ знаменія, времена, дни и годы! И да будутъ свѣтила на твердынѣ неба, чтобы свѣтить на землю, управлять днемъ и ночью, и отдѣлить свѣтъ отъ тьмы. И Богъ увидѣлъ, что такъ было хорошо. Тогда изъ вечера и утра былъ четвертый день“.

Противорѣчіе на противорѣчій, невозможность на невозможности! Земля, солнце, мѣсяцъ и звѣзды возникли въ совершенно другомъ хронологическомъ порядкѣ, чѣмъ рассказываетъ Моисей; что солнце появилось задолго до земли, а земля задолго до луны, и что безчисленныя звѣзды существовали во вселенной за миллиарды лѣтъ до нашего солнца со всѣми его планетами и спутниками.

Все это сказано рѣшительно, настойчиво и увѣренно.

Но вотъ вопросъ увѣренность-ли это точной науки или просто смѣлость отрицателя?

Иначе сказать—мы хотимъ спросить:

Даетъ-ли право наука на такія рѣшительныя рѣчи? На такое твердое отрицаніе!

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Мы видѣли прежде всего, что теорія вѣчности міра съ достаточной основательностью отрицается философскимъ знаніемъ.

Такъ какъ мы имѣемъ основаніе думать, что наши подписчики, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, не получаютъ нашего перваго письма, то рѣшаемся повторить коротко это интересное доказательство идей твореній.

Мы утверждали и утверждаемъ, что знаніе скорѣе за „бага“ библіи (по еврейски слово сотворилъ въ библіи—передано сло-

вомъ „baga“, т. е. создалъ изъ ничего, а не изъ бывшей до сего неустроенной матеріи), то есть за идею сотворенія міра, чѣмъ за его вѣчное самообразование.

Мы рассуждали такъ:

одно изъ двухъ—міръ или вѣченъ, или сотворенъ, но вѣчнымъ считать мы его не можемъ: „вѣчное неизмѣнно“. Представьте себѣ, что міръ въ своемъ развитіи долженъ прійти къ извѣстному концу, завершенію своего процесса.

Но отчего-же, спрашивается, онъ еще, не достигъ этого конца?

Отчего существуютъ еще необразовавшіеся міры? Отчего человѣкъ стоитъ на такомъ невысокомъ уровнѣ развитія?

Не достало времени для развитія?

Но вѣдь назадъ вѣчность! Въ вѣчности не могло бы не достать времени для всякаго процесса. Если бы міръ существовалъ отъ вѣка, онъ давно уже достигъ бы цѣли бытія... достигъ бы конца развитія.

Для ясности повторяю доказательство въ той формѣ, въ какой предлагаетъ его проф. Глаголевъ.

Наука утверждаетъ, что міръ стремится къ равномерному распредѣленію данной въ мірѣ энергіи. Вся жизнь въ мірѣ, теплота, движеніе, разнообразіе въ природѣ происходятъ оттого, что всѣ виды энергіи, напр. теплота, распредѣлены неравномерно.. Однако каждый день существованія міра *приближаетъ моментъ, когда наконецъ энергія будетъ распредѣлена.*

И этотъ моментъ будетъ смертью міра. Міръ остановится; все заснетъ, какъ въ сказкѣ „о спящей царевнѣ“. Все засыпаетъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ засталъ уколъ волшебнаго веретена т. е. моментъ распредѣленія энергіи, это т. называемая энтропія.

Но этотъ моментъ еще не пришелъ.

Что же это значитъ?

А то, что съ начала рожденія міра еще не прошло достаточно времени для распредѣленія міровой энергіи.

Иначе сказать, это значитъ что міръ не вѣченъ, а сотворенъ.

Нельзя же спорить: для насъ гораздо понятнѣе, что Вѣчная Мысль безконечно выбрасываетъ въ жизнь новые міры, вѣчно грезитъ мірами; Вѣчная Мысль не измѣняющаяся сама по себѣ, но измѣняющаяся въ своихъ снахъ, чѣмъ нелѣпая идея эволюціи вѣчнаго... (А. Мих).

Но это вопросъ философіи. Можетъ быть здѣсь Доделъ некомпетентенъ, а въ вопросахъ геологіи и т. п. Можно и здѣсь съ нимъ спорить?

Полагаемъ можно.

Что такое, напримѣръ, представляетъ его утвержденіе, что мы не знаемъ свѣта для земли безъ солнца.

Это тоже дѣтское возраженіе, которое когда то дѣлалъ Вольтеръ.

Но отчего никто не подумалъ слѣдующей простой вещи.

„Но вѣдь Моисей, какъ и мы, видѣлъ то, что теперь видитъ и знаетъ ребенокъ что нашъ свѣтъ отъ солнца. Какъ же не остановила его при созданіи первой главы „Бытія“ это мысль: *что я пишу; у меня—появляется свѣтъ раньше источника свѣта*“.

Намъ думается, что, именно, простецъ—просто человѣкъ, и не могъ написать такой странной вещи—такого противорѣчія явной очевидности.

Очевидно отсюда, что если Моисей рѣшилъ написать такую вещь, насмѣшившую Вольтера, то потому, что его уполномочивало на такую *дерзкую* мысль *откровеніе*, Духъ Божій.

„Да это, что я говорю, странно и для меня, но я пишу: мнѣ такъ открыто. И моя мысль—есть рожденіе мысли Вѣчной, которая не боится издѣвательства „человѣческаго“, какъ бы такъ говорить Моисей, бросая идею о свѣтѣ—до солнца.

Не боится издѣвательства Вольтеровъ и Доделей, которые, конечно, были и при Моисеѣ.

И открытія новѣйшей науки, доказывая, что свѣтъ дѣйствительно могъ и долженъ былъ быть до солнца вмѣстѣ доказываютъ, что дерзость Моисея отъ Бога.

Давно установлено, что свѣтъ по существу независимъ отъ солнца: онъ есть колебаніе эфира, которое *теперь* производится солнцемъ, но раньше могло производиться и другими факторами.

Первоклассный ученый *Августъ де-ля-Ривъ* пишетъ другому ученому Годэ.

„При рожденіи міра не могло не быть свѣта, имѣвшего источникомъ грандіозные и многочисленные химическіе процессы, совершавшіеся въ тѣ дни на земной поверхности; процессы, порождающіе электричество и вызывающіе въ эфирѣ свѣтовые вибраціи“.

Наши сѣверныя сіянія представляютъ собою, можетъ быть, современное явленіе, наиболѣе способное дать намъ понятіе объ этомъ первобытномъ, независимомъ отъ солнца, свѣтѣ.

Извѣстные замѣчательные опыты, при помощи которыхъ де-ля-Риву удалось воспроизвести въ своей лабораторіи, въ маломъ размѣрѣ, всѣ явленія сѣвернаго сіянія. Изъ работъ этихъ вытекаетъ, что сѣверное сіяніе есть результатъ работы электричества—столкновенія двухъ электрическихъ теченій, сталкивающихся у полюсовъ.

При образованіи міра было еще больше выдѣленія электричества: токи обязательно сталкивались и, какъ говорятъ, „нейтрализовались“, а отсюда и свѣтъ и эти свѣтовые явленія—вслѣдствіе высоты и однообразія, температуры не сосредоточивались около полюсовъ, а, какъ пишетъ Ривъ, образовали „атмосферическій ореолъ вокругъ всего земнаго шара“.

Но, какъ, возражаетъ Додель, тогда до солнца не могло быть вечера, дня и ночи.

„Современная наука даетъ въ этомъ отчетъ, пишетъ Годэ. Если первобытный, несолнечный свѣтъ происходилъ, подобно нашему сѣверному сіянію, отъ нейтрализаціи на всемъ протяженіи атмосферы двухъ противоположныхъ электрическихъ теченій, то этотъ свѣтъ долженъ былъ имѣть свои моменты восхода, яркаго блеска, захода и полнаго исчезновенія. Слѣдовательно, прежде чѣмъ солнце поднялось и зашло на нашемъ горизонтѣ, могли и должны были быть, по выраженію библейскаго разсказа, *дни и ночи, вечера и утра*“.

Но такъ же неубѣдительны и другія замѣчанія Доделя.

Какъ могутъ быть растенія раньше солнца? Едва-ли здѣсь, Додель—не притворяется просто. Онъ долженъ знать, что считается фактомъ установленнымъ, что первыя растенія развились безъ солнца, безъ свѣта.

Это растенія воднаго, морскаго дна, морская флора—очень богатая, красивая и разнообразная.

Читайте Кенштедта, Молденгауера и др. Тоже самое о томъ, что земля могла появиться геологически только послѣ солнца.

Солнце—какъ центръ солнечной планетной системы—явилося первымъ въ системѣ, а отъ него и послѣ него, планеты.

Это разсужденіе очень справедливо оспаривается наукой.

Наоборотъ, хотя бы тѣже Кенштедъ и Мольденгауеръ, а такъ же Беттексъ и др., утверждаютъ, что земля должна была

сформироваться и сложиться ранѣ солнца. Процессъ охлажденія земли быстро завершился и земля начала жить ранѣ чѣмъ солнце, такъ сказать, соорганизовалась.

Серьезнѣе—съ точки зрѣнія науки—возраженія, что виды животныхъ развились постепенно эволюціей, а не созданы готовыми.

Однако и здѣсь возражаютъ противъ библіи, не прочитавши ее, какъ слѣдуетъ.

Библия вовсе не отрицаетъ цѣликомъ эволюцію, а, наоборотъ требуетъ признать ее въ извѣстной мѣрѣ.

„Поразительно, что возникновеніе всѣхъ безконечно разнообразныхъ формъ жизни, растительной ли, или животной, книга Бытія относитъ, съ одной стороны, къ повторяющимся божественнымъ повелѣніямъ: *И Богъ сказалъ*, но, съ другой стороны, къ нѣкоторымъ естественнымъ дѣятелямъ: „Да произведетъ вода... да произведетъ земля...“

Ясно, что здѣсь Моисей устанавливаетъ два принципа: во-первыхъ, *что жизнь можетъ произойти лишь отъ жизни* (ст. 32), во-вторыхъ, что это возникновеніе жизни отъ жизни обуславливается содѣйствіемъ естественныхъ элементовъ. „*Богъ сказалъ*“— вотъ гдѣ творческій источникъ, отъ котораго посредственно или непосредственно происходитъ всякая жизнь. „Да произведетъ земля, да произведетъ вода...“: вотъ въ то же время открыто признанное содѣйствіе природы. Твореніе и эволюція...

Это конечно не значитъ, что библия принимаетъ теорію Дарвина.

Были попытки доказывать это, но по нашему мнѣнію такія старанія своего рода лакейство богословской мысли не болѣе.

Да и не нужно этого раболѣпства. Принципъ развитія безспоренъ въ наукѣ, но границы его приложенія еще не ясны.

Хорошо говоритъ объ этомъ въ своихъ интересныхъ лекціяхъ Эрихъ Васманъ.

„Принципъ теоріи развитія, пишетъ онъ,—есть единственный принципъ, могущій дать естественное объясненіе явленій, и мы должны его держаться. Но до какихъ поръ? Для отвѣта на вопросъ, какъ долго мы должны придерживаться этой теоріи, нужно-бы привести другіе примѣры изъ другихъ областей. Но я думаю, что твердо установлено, какъ результатъ тщательныхъ изслѣдованій и явленій приспособленія и развитія, видовъ слѣдующее положеніе: для видовъ однихъ и тѣхъ же родовъ, для

родовъ однихъ и тѣхъ же семействъ, для семействъ одного и того же порядка, для родовъ одного и того-же семейства и даже для порядковъ одного и того-же класса существуютъ доказательства въ пользу теории развитія. Здѣсь факты служатъ точкой опоры для родового родства извѣстныхъ формъ.

Но чѣмъ выше мы поднимаемся отъ малыхъ „разрядовъ“ живыхъ существъ къ большимъ „классамъ“, чѣмъ болѣе приближаемся мы къ главнымъ типамъ животнаго царства, тѣмъ скуднѣе становятся доказательства и даже пропадаютъ совершенно, такъ что мы въ концѣ концовъ вынуждены сказать: принятіе развитія всего царства организмовъ отъ одного корня, есть фантазія безъ естественно научныхъ доказательствъ.

Фантазіей приходится признать и принятіе развитія всего животнаго царства, съ одной стороны изъ одной первобытной формы и всего растительнаго царства, съ другой такъ-же, изъ одной первобытной формы. У насъ нѣтъ естественно-научныхъ доказательствъ въ пользу родства по происхожденію видовъ, родовъ и семействъ. Здѣсь мы остаемся просто безъ всякаго матеріала для доказательствъ.

Что сведеніе главныхъ типовъ животныхъ къ одной основной формѣ невозможно, и что попытки въ этомъ направленіи тщетны, съ этимъ согласны наиболѣе авторитетные современные естествоиспытатели. Профессоръ Оскаръ Гертвигъ въ заключительной главѣ, только что появившагося выдающагося „Учебника сравнительной и экспериментальной исторіи развитія“, чрезвычайно ясно и логично критикуетъ доказательства исторіи развитія, въ пользу теории происхожденія видовъ. Онъ приходитъ къ такому заключенію: доказательства въ пользу развитія родовъ—отъ одной формы совершенно негодны, и мы все болѣе и болѣе вынуждаемся признать развитіе изъ нѣсколькихъ первоначальныхъ типовъ. Точно также и профессоръ Бовери, не страдающій „богословскими предрассудками“, въ своей послѣдней ректорской рѣчи въ Вюрцбургскомъ университетѣ говоритъ „о многихъ организмахъ, какъ исторической сущности“. Онъ такъ же считаетъ невозможнымъ сведенія всѣхъ формъ животнаго царства къ одной основной формѣ.

Уже Тома Аквинатъ доказываетъ, что могущество причины тѣмъ больше, чѣмъ болѣе отдаленныя движенія она посредственно производитъ. Богъ не вмѣшивается непосредственно въ естественный порядокъ тамъ, гдѣ Онъ можетъ дѣйствовать черезъ

естественныя причины. Это вовсе не новое, а весьма старое основаніе, которое позволяет намъ смотрѣть на теорію развитія, поскольку она дѣйствительно доказуема, какъ на вполне и совершенно соединимую съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. По этому пониманію, развитіе органическаго міра—это маленькая строчка въ громаднѣйшей, съ нѣсколькими милліонами страницъ, книгъ развитія цѣлаго космоса, на заглавномъ листѣ которой, неизгладимыми буквами стоитъ надпись: „Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“.

И я очень радъ указать, что противъ такихъ взглядовъ можетъ быть не сталь-бы возражать самъ отецъ теоріи и развитія.

Чарльзъ Дарвинъ не страдалъ этою болѣзненною боязнью Творца, какъ многіе его послѣдователи. Въ концѣ своего главнаго труда о происхожденіи видовъ, онъ помѣстилъ слѣдующее, прекрасное мѣсто, напечатанное послѣ его смерти въ седьмомъ нѣмецкомъ изданіи:

„Это истинно возвышенный взглядъ, что Творецъ вдохнулъ зародышъ всей окружающей насъ жизни только въ немногія формы, и въ то время, какъ наша планета, слѣдуя строгимъ законамъ тяжести, носилась по орбитѣ, развились изъ этихъ немногихъ, формъ и еще развиваются безконечныя ряды прекраснѣйшихъ и удивительнѣйшихъ формъ.“

Итакъ, утверждаемъ мы между наукой и откровеніемъ нѣтъ такой вражды, что бы ставить вопросъ: Наука или Библия... Моисей или Дарвинъ...

Моисей говоритъ по откровенію отъ Господа. Наука—тоже даръ Божій, и поскольку мысль ученаго сознательно „богоборствовать—эта мысль тоже водится“—вспомоществуется Духомъ Божиимъ, есть своего рода откровеніе.

И если между вѣрой и знаніемъ бываютъ столкновения, то только потому, что наука иногда свои недодуманныя, недоконченныя откровенія считаетъ за безспорныя, а еще чаще потому, что она навязываетъ библии мысли, которыхъ тамъ нѣтъ, и потомъ побѣдоносно ихъ разбиваетъ.

Прибавимъ къ сказанному, что рассказъ Моисея нельзя понимать въ смыслѣ протокольной записи творенія міра.

Какъ остроумно—разсуждаетъ Годэ,—это рядъ видѣній,—своего рода апокалипсисъ, но вскрывающій не будущее, а прошлое.

BT 54902

„Въ разказѣ Моисея слѣдуетъ признать откровеніе Божіе, но откровеніе не въ формѣ диктовки. Тутъ—ученіе, преподаваемое подъ видомъ картинъ, аналогичныхъ съ картинами пророческихъ видѣній...

Богъ пожелалъ показать Моисею вкратцѣ главныя фазы развитія творческаго дѣла, и лучшимъ средствомъ для этого было, именно, представить ему каждый періодъ творенія въ видѣ законченной картины, изображающей въ грандіозной сценѣ тотъ моментъ, котораго достигло тогда твореніе.

Такъ прошли предъ Моисеемъ шесть картинъ, изображавшихъ наиболѣе характерныя фазы всего дѣла творенія. Онъ сохранилъ о нихъ воспоминаніе, не проникнувъ самъ въ ихъ подробности, точно такъ же, какъ и пророки не могли съ отчетливостью уяснить себѣ вдохновенія, сходявшаго на нихъ подъ наитіемъ божественнаго Духа.

Въ каждой картинѣ онъ хотѣлъ выдвинуть на первый планъ центральную идею, въ практическомъ смыслѣ наиболѣе важную: Іегова, Единый Сущій, Авторъ каждой части дѣла и всего дѣла, въ его цѣломъ.

„Мы вмѣстѣ съ человѣкомъ Божіимъ сидимъ на горѣ. Тьма окутываетъ насъ. Вокругъ насъ и въ насъ царитъ безмолвіе, служащее какъ-бы предвозвѣстникомъ божественныхъ откровеній. Пророческое проникновеніе, по природѣ свойственное каждому человѣку, просыпается въ насъ, и, подобно тому, какъ святой Іоаннъ на Патмосѣ созерцаетъ, въ своемъ экстазѣ, послѣдніе дни міра, время, уходящее въ вѣчность, такъ и мы созерцаемъ первые дни міра, потокъ времени, бьющій изъ вѣчности. Среди этого торжественнаго мрака до слуха нашего долетаетъ глухой шумъ, похожій на шумъ моря, волнуемаго мощнымъ дыханіемъ, словно вздымаются и опускаются громадныя волны, сталкиваются и разбиваются другъ о друга. То шумъ океана; имъ словно саваномъ, одѣта вся наша земля. Волнующее его дыханіе есть дыханіе Творческаго Духа, вынашивающаго это таинственное дѣтище, имѣющее превратиться въ міръ чудесъ, произвести человѣчество, Христа. Мы чувствуемъ, что мракъ этотъ, не мракъ могилы, но плодотворная ночь, колыбель всякой жизни.

И внезапно молчаніе этой ночи прерываетъ голосъ: „Да будетъ свѣтъ“!

Яркій лучъ, за нимъ ослѣпительный снопъ лучей прорѣзываютъ мракъ, устремляются во всѣхъ направленіяхъ къ гори-

зонту и освѣщаютъ сцену. Яркій свѣтъ, этотъ тотъ же, что отъ времени до времени освѣщаетъ для жителей полярныхъ странъ ихъ долгія, многочисленныя ночи. При блескѣ его, сквозь густыя пары, окутавшіе землю, мы различаемъ безбрежную, окружающую насъ водную равнину. По временамъ, подъ вліяніемъ вырывающихся изъ внутренняго раскаленнаго очага газовъ, вскипаютъ волны, и надъ уровнемъ ихъ поднимается почва, но вскорѣ затѣмъ опускается и поглощается водой. Яркое сіяніе мало-по-малу утрачиваетъ свой блескъ, блѣднѣетъ и совершенно гаснетъ. До насъ доносится лишь шумъ волнующагося вокругъ, громаднаго моря. Тьма спускается на насъ.

Вновь раздался голосъ:

„Да будетъ твердь посреди воды и да отдѣляетъ она воду, которая подъ твердью, отъ воды, которая надъ твердью“.

Снова день; передъ взорами нашими еще растилается водная равнина, со всѣхъ сторонъ, сливающаяся съ горизонтомъ. Въ глубинѣ этого моря можетъ быть есть жизнь животная и растительная, но мы ея не видимъ; для насъ она незамѣтна. Вниманіе наше привлечено измѣненіями, постепенно происходящими въ пространствѣ, надъ океаномъ. Прежде пары клубились надъ моремъ, какъ надъ кипящимъ котломъ. Мѣстами ихъ темноватая массы бороздили сверкающей свѣтъ. Теперь море кажется болѣе спокойнымъ; вѣроятно прочная перегородка отдѣляетъ его отъ подземнаго огня. Его теплыя воды равномерно вздымаются и опускаются, слегка волнуясь подъ свѣжимъ дуновеніемъ вѣтра. Медленно плывутъ въ высоту легкіе пары; тамъ, подъ вліяніемъ холодной температуры, они густыми облаками висятъ надъ шаромъ. Между ними и моремъ появляется въ первый разъ прозрачный воздухъ, лазурное пространство, отдѣляющее море облаковъ отъ водной равнины.

Таковъ былъ второй день.

Мы снова погружены во мракъ.

Голосъ говоритъ:

„Да соберется вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто, и да явится суша... да произраститъ земля зелень!“

Въ третій разъ освѣщается сцена. Еще не разсѣялись густыя облака, висящія надъ всѣмъ шаромъ, но какъ все измѣнилось внизу! Океанъ уже не стелится однообразной равниной. Волны его разбиваются о скалы причудливыхъ очертаній. Длиныя струи бѣловатой пѣны, указываютъ на присутствіе корал-

ловыхъ острововъ на уровнѣ воды. Вдали мы различаемъ даже обширныя пространства низменной, болотистой земли. По слову Творца, изъ глубины водъ выплыли материки. Вновь родившаяся къ жизни земля на нашихъ глазахъ одѣвается нѣжной зеленью. Появляются мхи, болотныя травы, тростники, папоротники, сосновые и пальмовыя лѣса. Тростники эти, не уступающіе по высотѣ дубамъ, и папоротники толщиною съ наши дикіе каштаны, покачиваются по берегамъ темноватыхъ рѣкъ и тихихъ неглубокихъ озеръ. Вотъ она передъ нами, во всей своей роскоши, эта мощная тропическая флора, подъ видомъ каменнаго угля сохраненная Богомъ до нашихъ дней. Въ глубинѣ водъ кипитъ жизнь; возводятъ постройки кораллы, безчисленные моллюски двигаются въ илѣ, вдоль низкихъ береговъ. Но господствующей чертой картины является великолѣпная растительность; все остальное блѣднѣетъ передъ ея роскошью. Въ лѣсахъ царятъ еще безмолвіе и смерть. Тамъ только вѣтеръ, гуляя, качаетъ деревья, да стелятся густыя туманы вдоль болотистыхъ, отлогихъ береговъ. Таковъ былъ третій день.

Мы снова во мракѣ.

Голосъ Божій говорить;

„Да будутъ свѣтила на тверди небесной“.

Ночь; глаза наши обращаются къ небу. Завѣса тучъ разорвалась; сквозь ея просвѣты взоръ нашъ въ первый разъ погружается въ бездонную глубину. Передъ нами открывается дивное, невиданное зрѣлище: небесный сводъ сіяетъ звѣздами; по мѣрѣ того, какъ онъ очищается отъ застилавшихъ его паровъ, число звѣздъ всерастетъ. Вотъ онѣ сверкаютъ со всѣхъ сторонъ.

Сіяющій, безоблачный, передъ нами открывается весь небесный сводъ. Въ первый разъ смотритъ на насъ съ высоты лучезарная утренняя звѣзда, но она блѣднѣетъ. Свѣтлѣютъ сѣрые клубы паровъ на горизонтѣ, принимаютъ бронзовый оттѣнокъ, становятся золотистыми, вспыхиваютъ багрянцемъ... надъ водой показывается сверкающая точка; поднялось солнце и, купаясь въ лазури, празднуетъ свой первый восходъ. Подъ блескомъ его сверкаютъ воды. Его яркіе лучи создаютъ новую растительность, сверкающую тысячью невиданныхъ красокъ. Разнообразныя ковры зелени, одѣваютъ черноватую почву материковъ. Солнце на нашихъ глазахъ спускается къ западу, и въ первый разъ на противоположной сторонѣ горизонта появляется второе свѣтило земли. Медленно плыветъ по лазурному своду луна и льетъ свой тихій свѣтъ на землю и море.

ый разъ ночь окутываетъ картину. Голосъ произно-

не и произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землею“!

День. Земля убралась цвѣтами словно невѣста ко встрѣчѣ жениха. Но что я слышу? Ко мнѣ несутся какіе-то новые, неслыханные звуки, словно хоръ нестройныхъ голосовъ. Безчисленные птицы рекутъ надъ озерами, наполняютъ лѣса, гуляютъ въ тростникахъ и охотятся за рыбами, но становятся сами добычей врага: ползающихъ, плавающихъ и летающихъ амфибій; покрытая массивной чешуей, вооруженная страшными зубами, эти чудовища населяютъ рѣки, ползаютъ по влажнымъ лугамъ, или висятъ на деревьяхъ и скалахъ, выжидая добычу.

Полонъ жизни и океанъ. Его гигантскіе обыватели, мощными ударами плавниковъ, разсѣкаютъ волны и выставляютъ изъ воды ужасныя головы и громадныя тѣла. Жизнью кишатъ вода, воздухъ, земля.

Предвѣчный сказалъ: „Да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую и птицы да полетятъ надъ землею“. И властное слово вызвало къ жизни всѣ эти новыя, невѣдомыя существа. День гаснетъ, и тайна этихъ безчисленныхъ жизней тонетъ мракъ ночи.

Въ шестой разъ раздается голосъ:

„Да произведетъ земля душу живую, по роду ея“!

И, когда день вновь освѣщаетъ сцену, какое зрѣлище открывается передъ нами! Морскія чудовища исчезли. Отъ страшныхъ амфибій остались лишь немногіе виды, менѣ крупные и менѣ ужасные. Зато въ зеленыхъ равнинахъ пасется скотъ. Большія стада мастодинтовъ и мамонтовъ бродятъ въ свѣжей, лѣсной травѣ и ищутъ пищи; сквозь чащи пробираются олени и лоси; медвѣдица въ берлогѣ стережетъ дѣтенышей, въ тростникахъ притаился гиппопотамъ, носорогъ рѣзвится въ болотахъ, левъ, леопардъ и другіе хищники сторожатъ въ засадахъ стаи антилопъ, бѣгущихъ на водопой. Наконецъ, въ тотъ часъ, когда день склоняется къ вечеру и солнце спускается къ горизонту, раздается властное слово:

„Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему“.

Твореніе закончено.

Является властелинъ земли—человѣкъ.

Наступаетъ седьмой день Суббота Господня семь дней сотворилъ Богъ міръ.

Въ семь дней? снова восклицаетъ возражатель. Г. созданъ—миллиардами лѣтъ. Многіе богословы полагаютъ мы едва ли погрѣшимъ, если сочтемъ не очень преступнымъ и положеніе, что библейскій день—не равенъ нашему дню. Конечно, нѣкоторыя основанія, считать такое мнѣніе не противнымъ св. писанію, есть.

Вспомнимъ, что первые 3 дня 1-й главы Бытія были до солнца,—слѣд. не могли быть равны 24 часамъ.

Это „эпоха“. Да вообще то въ св. писаніи „день“ не всегда равенъ астрономическому дню. „Тысяща лѣтъ въ очахъ Господнихъ—яко день единъ“.

Правда, надъ толкованіемъ „дня“ въ смыслѣ періода, не разъ издѣвались... Здѣсь видѣли что-то похожее на анекдотическій рассказъ о потопѣ... Первый день лилъ 40 дней, 40 ночей, второй дней—40 дней, 40 ночей и т. д. Но какъ извѣстно, смѣяться можно надъ всѣмъ. Въ дѣйствительности дѣло не такъ смѣшно.

Нужно знать, что библейское слово „іом“—вполнѣ параллельно славянскому „година“.

Слово „година“, значитъ „время“. У славянъ Юга слово это стало значить часъ, у насъ „годъ“. Но первоначально оно все не опредѣляло точнаго временнаго срока. Тоже и слово „іом“ которое именно и значитъ „время“ періодъ. Въ первый моментъ творчества сотворилъ Богъ и т. д.

Пониманіе 1-й главы какъ видѣнія—апокалипсиса, особенн удобно согласуется съ такимъ пониманіемъ дня. „Если Богъ пожелалъ показать Моисею вкратцѣ главныя фазы развитія творческаго дѣла, то не лучшимъ ли средствомъ для этого, было именно представить ему каждый періодъ въ видѣ законченной картины, изображающей въ грандіозной сценѣ тотъ моментъ, котораго достигло тогда твореніе? Каждая изъ этихъ картинъ представлялась взору Моисея днемъ; но этотъ одинъ день, изображалъ собою всѣ аналогичные дни даннаго періода. Промежуткомъ между картинами была ночь; въ этой ночи представлены были всѣ ночи того же періода, въ теченіи которыхъ, шла медленная подготовка слѣдующаго. Такъ прошло передъ Моисеемъ шесть картинъ, изображавшихъ наиболѣе характерныя фазы всего дѣла творенія. Онъ сохранилъ о нихъ воспоминаніе, не проникнувъ самъ въ ихъ подробности, точно также какъ и пророки

живостью уяснить себѣ вдохновенія, сходявшаго
отъ Божественнаго Духа.

суждаетъ проф. Годэ.

и здѣсь опять таки скажу. Отчего не пред-
положить, что процессъ образованія міра—шелъ совсѣмъ по осо-
бымъ законамъ.

Извѣстно, что если бы люди дышали не кислородомъ—а
озономъ, процессы жизни были быстрѣе. Если-бы питаніе
было совершенно измѣнено, люди могли бы въ 15 лѣтъ
прожить 80, 100 лѣтъ, жить въ пятеро, десятеро быстрѣе. Можно
представить себѣ вполне научно-физическія условія, при которыхъ
человѣкъ выростеть, разцвѣтетъ, дастъ плодъ въ сутки. Отчего
не допустить, что въ первые дни міра всѣ процессы текли
неизмѣримо быстрѣе какъ наши сны.

И день равенъ былъ—*тысящи лѣтъ?*

Мы не думаемъ, что необходимо считать библейскій день
въ 24 часа, но все же едва ли пока и необходимо отказываться отъ
этой вѣры.

Другъ.

Handwritten text, mostly illegible due to bleed-through from the reverse side of the page. Some faint words like "and" and "the" are visible.

B7 54